

Русские журналы и внешняя политика России в период японо-китайской войны 1894–1895 гг.

Максим Медоваров, Юрий Соколов

Russian journals and the foreign policy of Russia during the Sino-Japanese War of 1894–1895

Maxim Medovarov, Yury Sokolov

*(both – Institute of International Relations and World History,
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X24010095, EDN: CIKKKE

Японо-китайская война 1894–1895 гг., совпавшая с восшествием на трон Николая II и поворотом внешней политики империи на Дальний Восток, вызвала в русском обществе немалый интерес, отражавшийся в периодической печати и публицистике. При этом речь шла не только о самом конфликте, но и о положении Китая и Японии, о влиянии России в Корее и Маньчжурии и т.п. И хотя пресса в то время ещё не оказывала прямого воздействия на курс МИД, её роль в формировании общественного мнения и настроений как читающей публики, так и правящих кругов, постоянно росла и заслуживает специального изучения.

Между тем публикации о японо-китайской войне, появлявшиеся на страницах газет и журналов конца XIX в., практически не используются в современных фундаментальных монографиях о действиях России на Дальнем Востоке¹ и в обобщающих трудах². Правда, ещё в 1930-х гг. ученик М.Н. Покровского А.Л. Попов, пытаясь вписать позицию русской буржуазии и царизма в контекст мировой борьбы за ресурсы и торговые пути, включая Транссибирскую магистраль, доказывал, что активизацию дальневосточной экспансии поддерживала вся элита империи, а не отдельные лица и группы³. Принципи-

© 2024 г. М.В. Медоваров, Ю.В. Соколов

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

The present research was funded by the RSF, project number 22-78-10006, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10006/>

¹ См., в частности: *Розалиев Ю.Н.* Из истории российско-корейских отношений. М., 1998. С. 27; *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. М., 2007. С. 96–140; *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008. С. 234–239.

² *Игнатъев А.В., Мелихов Г.В.* Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение русско-японской войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 133–136; *Нарочницкий А.Л.* Обострение борьбы за раздел мира между капиталистическими странами на Дальнем Востоке (1871–1898 гг.) // Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973. С. 161–178; *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 415–423; *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг. В 4 т. Т. 4. М., 2018. С. 11–19.

³ *Попов А.* От Босфора к Тихому океану // Историк-марксист. 1934. № 3. С. 3–28; *Попов А.* Дальневосточная политика царизма в 1894–1901 годах // Историк-марксист. 1935. № 11. С. 38–57.

ально не рассматривая консервативные издания как «официозные», он отметил прояпонскую позицию «Вестника Европы» («лейб-органа русского либерализма») и выпады против Японии «Русских ведомостей» и «Русской мысли». Приведённые Поповым цитаты затем не раз повторялись другими авторами, как и сделанный им вывод о том, что «военное и политическое могущество Японии в ту пору в царской России недооценивалось»⁴.

А.Л. Нарочницкий уделил освещению японо-китайской войны (до Симоносекского мира) в русской прессе несколько страниц. Однако он опирался преимущественно на материалы газет, не проводя сплошного анализа журнальных публикаций⁵. Как полагал исследователь, «Русская печать во время китайско-японской войны ясно показала, что агрессивная внешняя политика русских помещиков и капиталистов определялась поисками новых рынков, желанием приобрести новые порты, выходы к морям и стратегически важные пункты». При этом все монархические газеты и журналы придерживались будто бы «официозной и биржевой» позиции (что не соответствовало действительности), тогда как ««Русские ведомости» и другие буржуазно-либеральные издания восхваляли “просвещение” и “европеизацию” Японии, превозносили до небес её ограниченную и архиреакционную на деле конституцию, стараясь хотя бы таким трусливым и иносказательным способом выразить свою жалкую и ничтожную “оппозицию” российскому самодержавию. В отношении Китая и Кореи русские либералы стояли на агрессивных позициях “европейских”, “цивилизованных” буржуазных консерваторов». Между тем, вопреки утверждениям Нарочницкого, далеко не все либералы, надеясь достичь соглашения с Англией за счёт Китая, возражали против захвата Россией незамерзающих портов на Дальнем Востоке. В частности, это требование поддержали С.Н. Южаков в «Русском богатстве», «Неделя» П.А. Гайдебурова, а с оговорками – и Л.З. Слонимский в «Вестнике Европы». А в середине 1895 г. либералы в «Русском вестнике» начали сближаться на почве экспансионизма с правыми («Новое время», «Гражданин», «Московские ведомости»), которые были решительнее робкого правительства. Тем самым ««общественное мнение» реакционных помещиков и буржуазии поддерживало как охранение устоев самодержавия внутри страны, так и его захватническую внешнюю политику»⁶.

А.А. Штейнгауз показал пробуждение интереса периодической печати, а также «русской буржуазии и капитализированного дворянства» к противостоянию с Японией и к проникновению в Корею в 1870–1880-х гг.⁷ Н.Е. Кутищев, анализируя статьи С.С. Татищева, С.Ф. Шарапова, К.А. Скальковского и других публицистов, проследил противостояние сторонников ближневосточной и дальневосточной политики России, за которыми, по его мнению, стояли интересы различных групп промышленного и торгового капитала⁸.

⁴ Попов А. Дальневосточная политика... С. 43.

⁵ Характерно, что на «Русское обозрение» Нарочницкий ссылался всего один раз, на «Русскую мысль» и «Русское богатство» – по два раза, на «Вестник Европы» – трижды, а о «Северном вестнике» не упоминал вовсе.

⁶ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956. С. 647–652, 707–710.

⁷ Штейнгауз А.А. Китай и Корея в русско-японских отношениях в освещении русской прессы и публицистики // Россия и страны Востока в середине XIX – начале XX в. Иркутск, 1984. С. 19–32.

⁸ Кутищев Н.Е. Восточный вопрос в последней четверти XIX в. и российская печать. Иркутск, 1992. С. 3–7, 72.

И.С. Рыбачёнок охарактеризовала позицию трёх правомонархических газет («Московские ведомости», «Гражданин» и «Санкт-Петербургские ведомости»)⁹, а В.М. Хевролина — публикации о событиях 1894–1895 гг. «Нового времени» и «Вестника Европы». Исследовательница отметила, что поражение Китая, обладавшего огромными ресурсами, воодушевило русских либералов, увидевших в успехе Японии доказательство превосходства вестернизированных институтов. Однако «Вестник Европы» «допускал ошибку, пренебрегая такими факторами, как быстрое экономическое развитие Японии, рост её военного потенциала, агрессивность её военно-политической доктрины», тогда как «остальная либеральная пресса» будто бы «уже видела в Японии потенциального противника России и призывала к сближению с Англией для противостояния японской активности»¹⁰. Между тем до 1894 г. обозреватели «Вестника Европы» и «Русской мысли» А.Я. Максимов и В.С. Соловьёв наивно рассматривали Японию как союзницу и крайне враждебно относились к Китаю¹¹. При этом в монографии Хевролиной использовались лишь три журнальные статьи собственно о японо-китайской войне. Отмечалось, что «Новое время» изначально выступало за русско-китайское сближение и совместный протекторат над Кореей, хотя газета часто печатала и статьи сторонников русско-японского союза¹².

Б.Б. Пак обратила внимание на то, что российская дипломатия, вопреки призывам некоторых органов прессы, никогда не ставила своей целью приобретение незамерзающего порта в Корее¹³. В Петербурге «проглядели начальный этап японской экспансии, с неоправданным доверием отнеслись к мирным заявлениям правительства Японии относительно Кореи, выпустили из внимания захватнические планы японской военщины в Корее в начале 90-х гг. XIX в.» и лишь в начале 1895 г. стали ей противодействовать¹⁴. Впрочем, Пак писала преимущественно о военных и дипломатах, лишь вскользь упоминая о газетных и особенно журнальных материалах¹⁵. Китайский историк Сунь Чжинцин констатировал, что в России либеральная печать симпатизировала Японии и презирала Китай, запугивая читателей «жёлтой опасностью», тогда как консерваторы, опасаясь поспешного раздела Цинской империи между великими державами, видели «особую миссию» Петербурга в спасении китайцев от западной эксплуатации¹⁶. Но, несмотря на обстоятельное знакомство автора с российской периодикой, в своей книге он указал всего четыре журнальные статьи 1890-х гг. В диссертации Я.С. Гузей на основе 28 газет и журналов (среды которых, правда, нет «Русского обозрения» и «Северного вестника») рас-

⁹ Рыбачёнок И.С. Дальневосточная политика России 90-х гг. XIX в. на страницах русских газет консервативного направления // Внешняя политика России и общественное мнение. Сборник научных трудов. М., 1988. С. 125–146.

¹⁰ Хевролина В.М. Проблемы внешней политики в общественной мысли страны // История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1999. С. 332.

¹¹ Хевролина В.М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М., 1999. С. 302–303.

¹² Там же. С. 125–128.

¹³ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея (1876–1898). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 14, 29.

¹⁴ Там же. С. 20, 30–33.

¹⁵ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Книга вторая. 1888–1897. М., 2004. С. 87–115.

¹⁶ Сунь Чжинцин. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX — начала XX века: «жёлтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. М., 2008.

крывается формирование образа «жёлтой угрозы», якобы исходившей от Китая в послевоенный период (1895–1905 гг.)¹⁷.

Д.Б. Павлов осветил вклад российских военных агентов в осмысление итогов японо-китайской войны в 1896–1898 гг.¹⁸ В работах зарубежных (англо-американских, корейских и японских) историков, посвящённых политике России на Дальнем Востоке в 1890-е гг., публикации русских журналов также практически не рассматривались¹⁹.

Таким образом, реакция отечественной печати на японо-китайскую войну до сих пор исследована лишь фрагментарно, что затрудняет анализ взаимовлияния внешней политики и общественного мнения. Неудивительно, что историки обращались прежде всего к газетам: на их страницах с июля 1894 по июль 1895 г. появились десятки, если не сотни, корреспонденций, связанных с борьбой на Дальнем Востоке и, как правило, сухо передававших военные и дипломатические новости. Особенности газетной деятельности заставляли формулировать позицию редакции по возможности ёмко и просто и не располагали к пространным рассуждениям о сложных предметах. В каждом из крупных журналов в тот же период вышло от 5 до 11 материалов, так или иначе затрагивавших дальневосточную проблематику. Но это были обстоятельные страноведческие статьи, формировавшие у читателей представления о Китае, Корее, Японии, а также об интересах и возможностях России в регионе. Конечно, не следует преувеличивать значение этих публикаций, до 1905–1908 гг. печать не оказывала особого воздействия на внешнеполитические решения, но со времён М.Н. Каткова её роль постепенно росла, и правительству всё чаще приходилось считаться как с пишущими идеологами и публицистами, так и с настроениями читающей публики. Среди журналов конца XIX в. наиболее заметны были консервативные «Русский вестник» Ф.Н. Берга и «Русское обозрение» А.А. Александрова, славянофильская либерально-консервативная «Русская беседа», либеральный «Вестник Европы», либерально-народнические «Северный вестник», «Русское богатство» и «Русская мысль». Впрочем, иногда типологически близкие к журнальным статьи выходили и в таких газетах, как «Гражданин» кн. В.П. Мещерского или «Русский инвалид».

«Русское обозрение» до 1894 г. сообщало преимущественно о культуре, религии и внутренней жизни Китая и Японии, а также о путешествиях по этим странам, но не об их текущей политике. После начала японо-китайской войны

¹⁷ *Гузей Я.С.* «Жёлтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 19–20.

¹⁸ *Павлов Д.Б.* Японо-китайская война и дальневосточная политика России: взгляд российских военных // В поисках истины. Сборник статей и воспоминаний памяти профессора Н.В. Блинова. М., 2016; *Павлов Д.Б.* Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в. // Российская история. 2016. № 2; *Павлов Д.Б.* Д.В. Путья и его военно-инструкторский проект в Корее и Китае // Труды Института российской истории РАН. Вып. 15. М., 2019.

¹⁹ *Malozemoff A.* Russian Far Eastern Policy 1881–1904 with Special Emphasis on the Causes of Russo-Japanese War. Berkeley, 1958; *Lensen G.A.* Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884/1899. Vol. 1. Tallahassee, 1982. P. 194–228; *Пак Чон Хё.* Россия и Корея. 1895–1898. М., 1993; *Пак Чон Хё.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997; *Чой Док Кю.* Россия в Корее: 1893–1905 гг. (политика Министерства финансов и Морского министерства). СПб., 1996. С. 12–15, 85–92; *Ким Чжон Хон.* Русско-корейские дипломатические отношения в 1884–1904 гг. М., 2001; *Paine S.C.M.* The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy. Cambridge, 2003; *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 192–210; *Вада Х.* Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. М., 2018. С. 467–469.

за год в журнале появилось 11 публикаций, так или иначе касавшихся актуальных событий. Л.А. Тихомиров в декабре 1894 г., ссылаясь на многовековую корейскую историю, предсказывал, что успехи японской экспансии будут непрочны, а Китай вернёт себе влияние на Корею²⁰. Славянофилу С.Ф. Шарапову казалось, что неожиданно вспыхнувший конфликт продлится долго, но это ничем не грозит «христианской цивилизации». Сам обозреватель предпочитал «иметь дело с Кореею независимо и, следовательно, до известной степени слабою, чем с Кореею, усилившею собою Японию или Китай». Поначалу он критиковал британскую поддержку Китая, но когда в Лондоне решили сделать ставку на Японию, позиция «Русского обозрения» изменилась. Шарапов одобрял безуспешную мирную инициативу Петербурга и возмущался тем, что «Вестник Европы» поддержал якобы «цивилизованную» и «парламентарно-конституционную» Японию в ущерб интересам России²¹.

В журнале с самого начала войны резко критиковали японскую вестернизацию. Секретарь русского посольства в Токио Г.А. Де-Воллан с сожалением предсказывал, что по мере модернизации страны «исчезнут хорошие черты японской жизни», «изменится и самый характер народа», восторжествует «бесцеремонная наглость людей, желающих эксплуатировать иностранцев»²². А французский офицер П. Лоти был удивлён слепым копированием в японском высшем обществе западных балов, обычаев, архитектуры²³. Правда, тут же, в стихотворении гр. Г.А. Ностица, чувствовалась симпатия к Японии²⁴.

В.А. Грингмут в октябре 1894 г., вскользь упомянув о начале японо-китайской войны, сетовал на равнодушие к ней обывателей в Европейской России, где, по его мнению, ничего не знали о положении дел на Дальнем Востоке²⁵. Публицист опасался, что Россия «прозевает» появление нового «восточного вопроса» в Корею подобно тому, как она уже «прозевала» его возникновение в Турции. Грингмут считал, что победа и усиление как Китая, так и Японии не соответствуют российским интересам, поскольку тогда с ними будет труднее договариваться. Отстаивая то, что либералы из «Русской мысли» именовали «государственным эгоизмом», Грингмут восклицал: «Наивность этой либеральной формулы поистине изумительна. Чего же Россия должна была бы желать с точки зрения государственного “альтруизма”? Чтобы Китай и Япония не ослабевали, а являлись постоянною угрозой мирным трудам России на Дальнем Востоке? Чтобы китайцы и японцы не топили взаимно своих броненосцев, а чтоб они соединили свой флот для того, чтобы осаждают *наши* восточные форты и топить *наши* корабли? Неужели либеральные идеи настолько затемняют логическое мышление людей, что они перестают понимать такую простую истину... Неужели можно упрекать государство или, что то же самое, государя в “эгоизме”, если он заботится не о себе лично, а о своих подданных?»²⁶. Эти соображения разделялись тогда всеми консервативными органами.

²⁰ Тихомиров Л.А. Япония и Китай в Корею // Русское обозрение. 1894. № 12. С. 1050–1053.

²¹ С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1894. № 8. С. 901.

²² Де-Воллан Г.А. В Стране восходящего солнца // Русское обозрение. 1895. № 7. С. 109.

²³ Лоти П. Бал в Иеддо. Очерк // Русское обозрение. 1894. № 7. С. 257–269.

²⁴ Ностиц Г.А. Гора Никко // Русское обозрение. 1894. № 7. С. 355.

²⁵ Спектатор [Грингмут В.А.] Современные вопросы. I. Россия на распутии // Русское обозрение. 1894. № 10. С. 841–842, 848.

²⁶ Там же. С. 849–850.

Вместе с тем публицисты пытались определить, в чём именно заключались интересы России при столкновении её восточных соседей. Причём делать это им приходилось, не имея необходимой информации, в частности, без точных сводок с театра войны и указаний из дипломатических кругов. Шарапов передавал слух, будто Россия жёстко заявила, что «не допустит никаких изменений в политическом статусе Кореи»²⁷. В ответ на это Китай якобы подтвердил статус «верного друга и союзника» Петербурга, а Япония ограничилась напоминанием о «старинной дружбе». Представители микадо уверяли, что он не стремится к аннексии Кореи, но хочет спасти её «от вредного и варварского влияния Китая» и обеспечить свободу тихоокеанской торговли. В марте 1895 г. Шарапов приветствовал гипотетическое выступление русского флота против японского, предупреждая: «Позволить Японии разгромить окончательно Китай — значило бы создать чрезвычайно опасную силу на Востоке». Западные державы, по его мнению, воспользуются модернизацией японцами Кореи и Северного Китая, который «оказался совершенно гнилым и истлевшим», для России же закрепление Японии на континенте создаст серьёзную угрозу. Поэтому не случайно из всех правителей только Николай II принял китайское посольство и призвал его «если не к дальнейшему сопротивлению, ставшему, по-видимому, безнадёжным, то хотя бы к возможно твёрдым переговорам о мире». Между тем приходилось учитывать то, что «дорога на Пекин открыта, у богдыхана нет ни войск, ни флота, ни оружия, ни денег». Шарапов ожидал, что японцы потребуют при заключении мира установления своего протектората над Кореей, передачи Тайваня и части Маньчжурии, оккупации Ляодунского полуострова и целого ряда экономических преференций. Анализируя британскую прессу, он убеждал в том, что Лондон добьётся некоей «компенсации» для себя, а другие державы, включая Россию, не осмелятся вмешаться²⁸. После фактической капитуляции Китая и сближения Англии с Японией «Русское обозрение» очень сдержанно высказалось за невмешательство России. Анонимный обозреватель (вероятнее всего, тот же Шарапов) теперь советовал Токио не посягать на китайские территории на материке и не мечтать «о том времени, когда японские армии будут сражаться с европейскими за обладание не только Китаем, но и всем миром»²⁹. Подводя итоги 1895 г., «Русское обозрение» рекомендовало Японии оставить планы подчинения Кореи, освободиться от влияния англичан и вступить в союз с Россией³⁰.

Условия Симоносекского договора, подписанного 17 апреля 1895 г., Шарапов признал унижительными для Китая и неприемлемыми для России, которая «не может допустить ни порабощения кем-либо Кореи, ни чрезмерного усиления Китая или Японии насчёт друг друга». Публицист допускал, что теперь придёт действовать «даже и вооружённой рукой», дабы «получить на океане незамерзающий порт, построить угольные станции и исправить свою пограничную черту». Предполагалось, что этими портами могли бы пользоваться также Франция и Германия. Публицист приветствовал совместную морскую демонстрацию трёх держав, вынудившую Японию пойти на уступки — отка-

²⁷ С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1894. № 9. С. 455.

²⁸ С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1895. № 3. С. 517–518.

²⁹ Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1895. № 4. С. 989.

³⁰ То же // Русское обозрение. 1895. № 11. С. 498–500.

заться от Ляодунского полуострова, снизить размер контрибуции с Китая, смириться с перспективой строительства КВЖД³¹.

«Русский вестник» поначалу скупно отзывался на японо-китайскую войну. В октябре 1894 г. журнал опубликовал подробное географическое и экономическое описание Кореи, в котором обосновывалась мысль, что России выгодна независимая от Китая и Японии Корея и не нужны никакие территориальные приобретения³². В том же номере С.В. Петров-Батурич изложил действующие русско-корейские договоры и раскрыл международно-правовой статус Кореи³³. С.С. Татищев лишь после Симоносекского мира кратко упомянул об интересах России в регионе³⁴. Однако в мае–июне 1895 г. в журнале внезапно забили тревогу, опасаясь объединения под властью микадо 500 млн азиатов. Теперь Ляодунский полуостров рассматривался как ключ к господству над всем Китаем и Кореей, а японские амбиции объяснялись поддержкой Лондона. Неудивительно, что редакция всецело одобряла русский ультиматум Японии, поддержанный Францией и Германией³⁵.

Ещё более своеобразную эволюцию проделал в 1894–1895 гг. «Гражданин» кн. В.П. Мещерского, выходявший тогда в формате ежедневной газеты, получавшей сводки с фронта и первоначально пользовавшейся информацией из японских источников. Всего за год на его страницах вышло около 50 статей о событиях на Дальнем Востоке. При этом сотрудники князя передавали самые невероятные слухи, утверждали, будто окончание войны уже предрешиено европейскими державами, которые не отдадут Корею ни Китаю, ни Японии, и т.п. Автор одной из статей, не скрывая, что имеет крайне смутные представления о воюющих странах, легкомысленно заявлял: «Пусть дерутся. И в Китае, и в Японии прямо-таки бессовестный процент рождаемости. Обе жёлтые нации плодятся, как саранча, и маленькое кровопускание для них даже полезно... Японо-китайская война — это ведь не наша европейская бойня, где бьют на шести верстах расстояния и одним залпом уничтожают батальоны. Тут всё пойдёт по японо-китайскому церемониалу — тихо, медленно и чинно. Будут стрелять из луков, пугать неприятеля гримасами и разрисованными масками, вынесут ему на встречу ужасные знамёна с тиграми и чертями. И потом — танцы. Какой-то знаток уверяет в “Московских ведомостях”, что китайцы перед залпом всегда танцуют. Делается это столько же для устрашения врага, сколько и для собственного ободрения». Точность военных прогнозов «Гражданина» держалась на том же уровне: авторы статей всерьёз думали, что китайцы победят просто в силу высокой численности населения³⁶.

В целом до весны 1895 г. в «Гражданине» симпатизировали скорее японцам, что даже выплеснулось в полемику с «Новым временем»³⁷. При этом говорилось про раздел Китайской империи, о целесообразности инспирировать

³¹ С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 539.

³² Вебель Ф.М. Поездка в Корею // Русский вестник. 1894. № 10. С. 115–153.

³³ Петров-Батурич С.В. Исторический очерк возникновения корейского вопроса (по японским источникам) // Русский вестник. 1894. № 10. С. 212–237.

³⁴ Татищев С.С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1895. № 6. С. 318–326.

³⁵ То же // Русский вестник. 1895. № 5. С. 272–286; Обозрение иностранных журналов // Русский вестник. 1895. № 6. С. 292.

³⁶ Скеттик. Вслух // Гражданин. 1894. 30 июля. № 207. С. 2.

³⁷ А.К. По поводу событий в Корее // Гражданин. 1894. 2 августа. № 210. С. 1–2.

восстание монголов и затем присоединить Монголию к России и т.п.³⁸ Лишь в одном «Гражданин» демонстрировал последовательность и серьёзность: его авторы категорически настаивали на том, что Корея должна относиться к сфере влияния России, и нельзя смириться с её подчинением Китаю, Японии или европейским державам³⁹. После Симоносекского договора в газете решили, что его выполнение фактически передаст китайскую территорию на границе с Сибирью под контроль японцев, а независимость Кореи сделает фикцией. Поэтому «Гражданин» приветствовал русско-французско-германское давление на Токио и даже предлагал установить предельный срок ответа на предъявленный микадо ультиматум⁴⁰.

Осознание опасности для Российской империи нарушения баланса сил в Корее ярко проявилось в статье генерал-майора Д.В. Путяты, опубликованной в газете военного ведомства. В ней констатировалось, что «сопоставляя сумму японских требований с количеством затраченных на войну сил, средств и энергии, они кажутся столько же неумеренными, сколько и неудобными по своим последствиям для заинтересованных на Дальнем Востоке европейских государств». При этом отмена ограничений на международную торговлю с Китаем, контрибуция и передача Японии Тайваня не вызывали возражений, но японская аннексия Ляодуна, Кореи и Пескадорских островов (ныне — Пэнхуледао) признавались совершенно недопустимыми. Впрочем, опираясь на японские источники, генерал полагал, что Тайвань (Формоза) — крайне прибыльный остров, тогда как обладание Маньчжурией и Ляодунским полуостровом заведомо убыточно. Для России же гораздо важнее было то, что «уступка Ляодуна с портом Артур предоставляет Японии полное и нераздельное командование Чжилийским заливом, экономическое господство во всей Маньчжурии, изолирует с севера русские владения от Китая, обращает заявление о самостоятельности Кореи в фикцию и наносит в общем чувствительный ущерб политическому равновесию всех держав, имеющих интересы на крайнем Востоке»⁴¹. Эту фразу сразу же подхватила вся консервативная печать.

С января 1895 г. левые славянофилы (А.В. Васильев, С.Ф. Шарапов, Ф. Четыркин), порвав с консервативным большинством Славянского благотворительного общества, объединились вокруг нового журнала «Русская беседа». В первом же номере его обозреватель под псевдонимом Черноморец (возможно — И.И. Дусинский) отмечал: «Япония победит Китай — неподготовленный к войне, не имеющий дельных полководцев и офицеров»⁴². Однако Россия, по мнению журналиста, должна была воспрепятствовать захвату японцами частей Китая, Кореи или прилегающих островов. Вступать в войну «Русская беседа» не предлагала, надеясь, что и без этого удастся добиться ослабления и Японии, и Китая, и они не превратятся во «вторую Германию»⁴³. После Симоносекского мира анонимный обозреватель журнала, сравнивая потенциал Китая и Японии

³⁸ Русский врач, подозреваемый в агитации среди монгол // Гражданин. 1894. 4 октября. № 273. С. 1–2; Раздел Китая // Гражданин. 1894. 15 января. № 13. С. 1.

³⁹ *Иванюшенков И.* К корейскому вопросу // Гражданин. 1894. 31 июля. № 208. С. 1–2; По поводу событий в Корее // Гражданин. 1894. 8 августа. № 216. С. 1.

⁴⁰ Ультиматум Японии // Гражданин. 1895. 14 апреля. № 101. С. 3.

⁴¹ *Путята Д.* К событиям на Дальнем Востоке. Условия мира между Китаем и Японией // Русский инвалид. 1895. 23 апреля. № 89. С. 2–3.

⁴² *Черноморец.* Китай, Япония и Россия // Русская беседа. 1895. № 1. С. 141.

⁴³ Там же. С. 141–143.

и, в частности, статистические данные, отражающие развитие их промышленности, размышлял, «не станет ли Япония для многочисленной жёлтой расы тем, чем была Македония для греческого мира, Пруссия для германского — преобразователь и властелин»⁴⁴. Эту тревогу лишь усиливали цитаты из статьи японского офицера, предрекавшего господство микадо над обширными территориями Китая и восхвалявшего панмонголизм. Между тем очередное избиение европейских миссионеров китайцами воспринималось как наглядное свидетельство провала католических и протестантских проповедников в Поднебесной⁴⁵. На фоне быстрого экономического роста Японии и Китая, сулившего им скорое превращение в мощные финансовые и промышленные государства, всё это и впрямь выглядело угрожающе⁴⁶. Корею в «Русской беседе» желали видеть русским протекторатом⁴⁷.

Либеральных журналов в России в конце XIX в. насчитывалось больше, чем консервативных, и их внешнеполитические предпочтения заметно различались. К примеру, «Вестник Европы» долго занимал прогерманские и антифранцузские позиции, противостоя «Русской мысли», «Северному вестнику» и «Русскому богатству». Не менее существенные разногласия возникли между либералами и при оценке японо-китайской войны. Л.З. Слонимский высказывался о конфликте на Дальнем Востоке с явным высокомерием: «Великим европейским державам остаётся только следить за ходом возникшей борьбы, наблюдая, как японцы топят китайцев и как последние режут японцев, по правилам ли военного искусства или без всяких правил»⁴⁸. Публицист с самого начала изображал «более культурную Японию» как оплот цивилизации, и не сомневался, что корейцам и китайцам необходима её опека. Он сожалел о том, что в Европе не видели необходимости в расчленении Цинской империи, хотя, как ему казалось, Россия только выиграла бы, если бы граничила не с огромным Китаем, а с более мелкими государствами тибетцев, уйгуров, монголов и маньчжур. Слонимский полагал, что европейцам не стоит предоставлять Китаю займы и посылать туда военных инструкторов, укрепляя тем самым деспотизм и неэффективную бюрократию, далёкую от «истинной человеческой культуры» Запада⁴⁹. Не изменяя себе, в январе 1895 г. обозреватель прославлял «решительное торжество возрождённой Японии над неподвижным, самобытным и самодовольным Китаем»⁵⁰. Подобные характеристики повторялись буквально в каждом номере «Вестника Европы».

В конце 1894 г. журнал опубликовал большое исследование В. Черевкова, проследившего путь, пройденный Японией с древнейших времён до современности⁵¹. Детально и с явной симпатией он рассказывал про реформы Мэйдзи, конституцию и парламент страны. Правда, тут же говорилось о том, что России нужно поставлять на Японские острова промышленные товары, дабы спасти

⁴⁴ Политическое обозрение // Русская беседа. 1895. № 8. С. 126.

⁴⁵ Там же. С. 128–129.

⁴⁶ Там же. С. 129–137.

⁴⁷ То же // Русская беседа. 1895. № 10. С. 155–156; Иностранное обозрение // Русская беседа. 1895. № 1. С. 145–146.

⁴⁸ [Слонимский Л.З.] Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1894. № 9. С. 380.

⁴⁹ То же // Вестник Европы. 1894. № 10. С. 839–845.

⁵⁰ То же // Вестник Европы. 1895. № 1. С. 395.

⁵¹ Черевков В. Из новейшей истории Японии // Вестник Европы. 1894. № 11. С. 227–272; № 12. С. 477–524.

миллионы их кустарей от машинного труда и капитализма. В редакционном примечании М.М. Стасюлевич особо отмечал общее сочувствие сотрудников журнала к вестернизации Японии⁵². В том же номере приводились два стихотворения российского посла в Токио М.А. Дурново, восхвалявшего японский буддизм⁵³. Неудивительно, что Грингмут и его единомышленники яростно критиковали «Вестник Европы» за неспособность увидеть угрозу восточным рубежам России⁵⁴.

После Симоносекского мира Слонимский вступил в полемику с консерваторами, обвинявшими японцев в жестокости и варварстве. Он, вслед за А.Я. Максимовым⁵⁵, называл их рыцарским и благородным народом, дружелюбным союзником России, переживающим непростой период преобразований. Напротив, китайцев «Вестник Европы» описывал как кровожадных чудовищ, постоянно враждебных России и всегда готовых к войне с ней⁵⁶. Это был прямой вызов традиционному синофильству «Русского обозрения». Слонимский называл условия Симоносекского мира весьма умеренными и расхваливал объявлявший о них манифест, выдержанный в спокойном, примирительном по отношению к Китаю тоне. По словам либерала, «это воззвание японского императора могло бы служить образцом сознательной человечности и скромности не только для наших газетных патриотов, но и для государственных деятелей и публицистов Западной Европы». Как утверждал обозреватель, «наши патриоты, обвиняющие японцев в жестокосердии и неумеренном честолюбии, не могут говорить так миролюбиво и спокойно не только о чужих и враждебных народах, но и о племенах, входящих в состав Российской империи. И эти господа, неустанно проповедующие политику племенной злобы, берутся поучать других идеям гуманности и умеренности после победы»⁵⁷.

Пересмотр Симоносекского договора разочаровал Слонимского, сожалевшего о том, что японцам пришлось отказаться от Порт-Артура, критиковавшего франко-германо-российское вмешательство и одобрявшего политику Англии. Однако он надеялся, что Россия не станет больше выступать против Японии, а «голоса наших мнимых патриотов, толкающих нас в объятия Китая, не будут услышаны руководителями нашей дипломатии»⁵⁸. Месяц спустя Слонимский обвинил консервативную печать в безответственности, доказывая, что Россия не нуждается в приобретениях в Корее или Маньчжурии, а экспансионистские публикации в русской прессе и критика ею японского шовинизма лишь подрывают доверие к Петербургу на Западе и Востоке⁵⁹.

В других либеральных журналах японофильство проступало не столь резко, как в «Вестнике Европы». Либерально-народническое «Русское богатство», обычно искавшее в международных делах экономическую подоплёку, долго не замечало японо-китайскую войну. Вплоть до конца 1894 г. журнал публиковал

⁵² Там же. № 11. С. 228.

⁵³ *Хитрово М.А.* Японские мотивы // Вестник Европы. 1894. № 12. С. 781–782.

⁵⁴ *Спесатор [Грингмут В.А.]* Текущие вопросы международной политики. V. Японская цивилизация // Русское обозрение. 1891. № 5. С. 385–393; *Грингмут В.А.* Россия на Дальнем Востоке // Московские ведомости. 1900. 6 сентября. № 249. С. 1–2.

⁵⁵ См., в частности: *Максимов А.Я.* Наши задачи на Тихом океане. СПб., 1894.

⁵⁶ [*Слонимский Л.З.*] Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1895. № 5. С. 410–414.

⁵⁷ Там же. С. 417.

⁵⁸ Там же. С. 419–420.

⁵⁹ То же // Вестник Европы. 1895. № 6. С. 860–861.

слащавую повесть того же П. Лоти, который отличился антияпонской статьёй в «Русском обозрении»⁶⁰. Япония представлялась ему «ничтожной, мелкой, лишённой жизненности, лишённой будущего, мумией»⁶¹. Редакция напечатала также перевод написанной ещё до войны статьи германского социал-демократа П. Эрнста об экономике Страны восходящего солнца⁶². В ней реформы Мэйдзи рассматривались как пример развития капитализма под суверенным руководством императора. Эрнст, отмечавший «патриотическое одушевление японцев и нравственное растрепывание китайцев», считал Японию опасным конкурентом России, стремящимся к захвату новых рынков⁶³. В редакции, судя по сделанному примечанию, думали, что «предлагаемая статья, весьма интересная сама по себе, приобретает двойной интерес в виду крупных политических событий, ныне совершающихся на Дальнем Востоке. Вторжение капитализма в Японию разоряет японский народ, подрывает земледелие и создаёт пролетариат»⁶⁴.

В январе 1895 г. своё мнение о происходившей войне высказал обозреватель журнала, народник С.Н. Южаков, уверявший, что в Токио перешли к внешним захватам из-за невозможности продавать продукты питания на сокращающемся внутреннем рынке. Впрочем, и он писал, что «свободный японский гражданин одержал победу над отсталым китайцем»⁶⁵. В июне 1895 г. эту же мысль развивал в политико-юридическом очерке А. Фридман, изложивший ход реформ Мэйдзи и опубликовавший почти полный текст появившейся благодаря им конституции и краткий пересказ нескольких ключевых законов⁶⁶. Месяц спустя Южаков подвёл итог конфликта: «Экономическое развитие Японии по западноевропейскому капиталистическому образцу должно было и роковым образом привело к экономическому кризису; его разрешение и исцеление можно было искать во внутренних реформах, которые дали бы помощь народному хозяйству, или же в приобретении внешних рынков»⁶⁷. Видя желание Японии аннексировать Корею, публицист, однако, не сомневался, что европейские державы этого не допустят. В то же время, указывая на то, что Россия и Франция извлекли выгоду из совместной поддержки Китая, в журнале признавали Тайвань стратегически более важным, чем Порт-Артур и Маньчжурия, и не исключали возобновления боёв, поскольку японские войска оставались в Китае, а их флот и пограничные группировки готовились к войне. В отличие от «Вестника Европы», «Русское богатство» осуждало пренебрежительное отношение к азиатам, хотя и обращало внимание на физическую слабость японских и китайских работников, трудившихся в 5–8 раз меньше русского рабочего⁶⁸.

Другое либерально-народническое издание, «Северный вестник», с осени 1894 г. регулярно анализировало ход японо-китайской войны. Его обозреватель Л.А. Полонский занимал позицию, во многом близкую к «Вестнику Европы». Так, он с самого начала осуждал связи Англии с Китаем и настаивал на том,

⁶⁰ Лоти П. Госпожа Кризантэм. Рассказ о Японии // Русское богатство. 1894. № 10. С. 154–190; № 11. С. 180–200; № 12. С. 93–125.

⁶¹ Там же. № 12. С. 124.

⁶² Эрнст П. Экономическое развитие Японии // Русское богатство. 1894. № 11. С. 88–110.

⁶³ Там же. С. 89.

⁶⁴ Там же. С. 88.

⁶⁵ Южаков С.Н. 1894 год (Из современной хроники) // Русское богатство. 1895. № 1. С. 194–197, 210.

⁶⁶ Фридман А. Современная Япония // Русское богатство. 1895. № 6. С. 136–147.

⁶⁷ [Южаков С.Н.] Из современной хроники // Русское богатство. 1895. № 7. С. 145.

⁶⁸ Там же. С. 150–153.

что «симпатии европейцев должны бы быть на стороне Японии, так как настоящая война является борьбой на крайнем востоке европейской цивилизации, представляемой Японией, со своеобразной и косной китайской культурой». Вместе с тем его беспокоило чрезмерное усиление вооружённых сил Японии, открывавшее перспективу её превращения в великую державу⁶⁹. После Симоносекского мира Полонский не разделял возмущения японскими претензиями на Ляодун и доказывал, что Россия заинтересована в мире и не нуждается ни в Корее (кроме приграничной зоны), ни в Порт-Артуре⁷⁰. Как и Слонимский, он нередко сравнивал русских консерваторов с китайцами.

Л. Павлов знакомил читателей «Северного вестника» с климатом Японии, приводил этнографические сведения о японцах, уважительно отзываясь об их национальном характере, быте и особенностях вестернизации. Причину войны он усматривал во внутривосточном кризисе, выразившемся, в частности, в пятикратном роспуске императором парламента⁷¹. Граф Л.А. Камаровский, пытавшийся «глубже взглянуть на самую природу войны» и призывавший «уничтожить войну, сохранив борьбу», заключал (не упоминая, впрочем, о происходившем на Дальнем Востоке): «Белая раса, вероятно, ещё надолго удержит за собою высокое, первенствующее место в мире, на что ей даёт право её прошлое и её высшие пока свойства и цивилизация. По отношению же к цветным расам она должна стремиться не к поработению их, а к их постепенному воспитанию в духе нашей, более глубокой и широкой культуры, насколько это позволяют особенности их природы. Но для такой многотрудной задачи и для того, чтобы не быть подавленными численным превосходством азиатов, европейским народам нужно прежде всего быть внутри себя самих крепкими, согласными и не расточать бесплодно свои богатые дарования и силы на одни лишь вооружения и перевооружения. Великие, ожидающие их в будущем задачи не таковы, чтобы рассекаться мечом, а требуют от них всех — более всего в интересах их же самосохранения — политики терпеливой, дальновидной, мирной, истинно-человечной»⁷².

Среди либеральных журналов чаще всего о японо-китайской войне писала «Русская мысль». Если в «Северном вестнике» сюжеты, связанные с конфликтом на Дальнем Востоке, рассматривались в 1894—1895 гг. в восьми публикациях, в «Вестнике Европе» — в семи, а в «Русском богатстве» — в пяти, то в «Рус-

⁶⁹ [Полонский Л.А.] Политическая летопись // Северный вестник. 1894. № 9. С. 87—91; № 10. С. 91—93; № 11. С. 79; 1895. № 3. С. 125—127; Областной отдел // Северный вестник. 1895. № 4. С. 14—15.

⁷⁰ [Полонский Л.А.] Политическая летопись // Северный вестник. 1895. № 5. С. 47—52.

⁷¹ Павлов Л. Страна восходящего солнца // Северный вестник. 1894. № 12. С. 25—41.

⁷² Камаровский Л. О значении войны для современного общества // Северный вестник. 1895. № 2. С. 128, 138, 141. Рассуждая о «белой расе — этой носительнице высшей христианской культуры», граф утверждал, что она «отличается, быть может, отчасти вследствие её тысячелетней культурной работы, наследственности и воспитания, многими особенностями пред людьми цветными: мозг европейца средним числом весит около 1 534 грамм, негра из Африки около 1 371 гр., а туземца из Австралии не более 1 228 гр. Самое развитие его, несмотря на значительные усилия, у низших рас останавливается на известной стадии, из-за причин чисто физиологических, лежащих в их организме». Однако, пояснял он, «этим, конечно, мы не хотим сказать, чтобы люди иных рас не имели такое же право, как и мы, на политическую независимость и развитие. Напротив. Почти все антропологи приходят в наше время к заключению, что племена, заселяющие ныне землю — общего происхождения и что лишь жизнь в разных условиях заставила их измениться и развиться в ту или другую сторону. На то же указывают и современные психологи и историки культуры» (Там же. С. 137—141).

ской мысли» их насчитывалось десять. Причём девять из них принадлежали перу В.А. Гольцева, фактически руководившего изданием. В первой же заметке о начале боевых действий он, выражая надежду на скорое их завершение, называл Японию «наиболее культурным», а Китай — «наиболее отсталым» государством региона⁷³. Месяц спустя его уже волновала судьба Кореи, подчинение которой Китаю или Японии признавалось нежелательным. Но не исключал он и то, что война «может принести России выгоду, ослабивши обе стороны»⁷⁴. Естественно, это не мешало ему возмущаться циничными замечаниями немецких газет о том, что японо-китайская резня и даже убийства европейцев в Китае выгодны Германии, поскольку дают ей повод как для вмешательства, так и для поставок вооружения. Со своей стороны, либеральный публицист декларировал пацифистские идеи и осуждал всякий милитаризм⁷⁵.

В следующем номере «Русской мысли» подробно рассказывалось об истории и географии Кореи, а также характеризовалось состояние китайской и японской армий⁷⁶. В октябре 1894 г. Гольцев вступил в полемику с Грингмутом, заявив о том, что не может «с точки зрения русского государственного эгоизма» желать продолжения кровопролития. Как ему представлялось, «государственный эгоизм далеко не тождествен с существенными интересами европейского христианского государства», а «Россия настолько велика и могуча, что может в международных отношениях служить святому делу мира и справедливости». И соответственно «штатские полководцы и государственные люди, заведующие тем или другим отделом “Русского обозрения”, заслуживают осуждения не только на основании современного международного права, но и на основании великих заповедей нравственности, которые они хотят изгнать из политики»⁷⁷. Сравнивая Грингмута с Бисмарком, Гольцев обвинял его в проповеди «грубой, кровожадной, антихристианской международной политики». Свою задачу либеральный обозреватель видел в ознакомлении читателей с текущими событиями, которым, разумеется, надлежало дать нравственную оценку, тогда как «захватывать территории, поддерживать внешний престиж нашего отечества — не наше дело, и спорничать в этом отношении с “Русским обозрением” мы отказываемся»⁷⁸.

Гольцев критически отзывался как о колониальных захватах Англии и Франции, так и о русском экспансионизме, но при этом надеялся на «любимое соглашение» Петербурга и Лондона, способное урегулировать их споры в Азии. В «Русской мысли» хвалили декларации японского командования о гуманном обращении с пленными, полагая, что «победы японцев являются результатом подъёма этого народа в духе европейского просвещения и учреж-

⁷³ [Гольцев В.А.] Иностранное обозрение // Русская мысль. 1894. № 7. С. 134.

⁷⁴ То же // Русская мысль. 1894. № 8. С. 193.

⁷⁵ Там же. С. 194.

⁷⁶ То же // Русская мысль. 1894. № 9. С. 192–194.

⁷⁷ То же // Русская мысль. 1894. № 10. С. 206. Отвечая на подобные упреки, Грингмут впоследствии небезосновательно утверждал, что «все натяжки о служении какому-то “общему” благу вместо ясно определённой цели служения собственному Отечеству и его благу, представляют собой нагромождение софизмов, находящихся в противоречии с самыми основными началами государственного устройства, которые на практике, как и всё искусственное, могли бы привести к совершенно отрицательным результатам» ([Грингмут В.А.] Альтруизм или национальная политика? // Московские ведомости. 1898. 10 марта. С. 1).

⁷⁸ [Гольцев В.А.] Иностранное обозрение // Русская мысль. 1894. № 10. С. 207.

дений»⁷⁹. Их успехи казались публицисту не только закономерными, но и выгодными для России: «Громадная империя... почти сокрушается под ударами энергичного сорокамиллионного народа, усвоившего себе основы европейской цивилизации. Грозная на вид Поднебесная империя — это пресловутое царство самобытного застоя — рассыпается, как плохо цементированная стена. Ослабление нашего соседа в Кульдже и на Амуре может принести значительную пользу нашим национальным интересам, устраняя опасность вооружённых столкновений с Китаем»⁸⁰. О том, что заполнит образующуюся пустоту и насколько новая обстановка будет способствовать стабильности российской границы от Восточного Туркестана до Маньчжурии, в журнале не задумывались. Полагаясь на мнение синоведа Т. Уэйда, Гольцев с радостью предрекал не только скорое крушение китайской государственности, но и поражение Японии в её грядущем столкновении с европейскими державами. Ведь в «Русской мысли» не сомневались ни в полном совпадении в регионе интересов Англии, Франции и России, ни в том, что война 1894—1895 гг. «блистательно доказала превосходство европейского духа, громадную пользу своевременных заимствований из того, что создано многовековою цивилизацией»⁸¹.

Когда в марте 1895 г. начались мирные переговоры, Гольцев выразил надежду на то, что шовинизм немецкого или французского типа не заразит японцев, в чьих достижениях он усматривал «победу европейского просвещения и гражданственности над многовековым застоём». Впрочем, по словам публициста, и «для Китая, как это нередко бывало в истории, постигнувший его военный разгром может послужить причиной внутреннего обновления, может пробудить народ, усыпленный в закаменелых формах государственной жизни»⁸².

Узнав о Симоносекском договоре, Гольцев впервые обеспокоился усилением Японии. Вдруг оказалось, что «появление нового и сильного соседа для нашего Приамурья — это вопрос важный. Громадный, но слабый Китай не представлял для нас опасности; тот же Китай, который может пробудиться от своей самобытности под влиянием тяжких поражений, в соединении с Японией составляет уже большую опасность». «Русская мысль» по-прежнему настаивала на том, чтобы Англия, Франция, Германия и Россия совместно и единодушно обеспечили независимость Кореи от японского влияния. Тогда, уверял читателей Гольцев, «в случае уступок со стороны Японии европейским требованиям, для этой страны и для Китая наступит эпоха мирного и быстрого промышленного развития. В противоположном случае неизбежно военное столкновение с Японией, исходом которого при дружном действии европейцев будет неизбежное поражение Японии»⁸³. А затем, если и в Китае «начнут прививаться европейские учреждения и идеи», России неизбежно придётся ввести их у себя.

В апреле 1895 г., после предъявления Японии ультиматума трёх держав, «Русская мысль» солидаризировалась с «Вестником Европы», выступив против консерваторов: «Многие из наших повременных изданий яростно нападают на японцев и ищут чуть ли не войны с ними. Никаких оснований для подобного рода нападений и стремлений мы не видим. Японское правительство, после блистательных побед, держит себя с замечательным тактом, отличается редкой

⁷⁹ То же // Русская мысль. 1894. № 11. С. 203.

⁸⁰ Там же. С. 204.

⁸¹ В.А.Г. [Гольцев В.А.] Иностранное обозрение // Русская мысль. 1895. № 2. С. 187.

⁸² То же // Русская мысль. 1895. № 3. С. 212.

⁸³ То же // Русская мысль. 1895. № 4. С. 158.

умеренностью»⁸⁴. Впрочем, вскоре тот же Гольцев начал пересказывать своими словами идеи Э. Лависса: «На Дальнем Востоке поднялась Япония, которая может сыграть по отношению к жёлтой расе такую же роль, какую играла Македония в греческом мире, Пруссия в германском. И тогда произойдёт, в мире или войне, ужасная борьба между белой и жёлтой расами»⁸⁵.

На страницах «Русской мысли» появилась также пространная компилятивная работа Л.А. Кириллова, написанная ещё до войны на основании шести иностранных книг⁸⁶. Пренебрежительно отзываясь о Китае, Кириллов называл Японию «юным членом семьи цивилизованных народов», способным «проводить в жизнь основные начала европейской культуры». Она уподоблялась Англии, сумевшей перейти от феодализма к «требованиям времени», минуя абсолютизм. Предпосылкой её успешной вестернизации, согласно концепции Кириллова, явилось соединение в раннем средневековье китайско-корейской культуры и варварского, родового строя, приведшее к созданию самурайского феодализма. Два столетия мирной изоляции в эпоху Токугава позволили японскому обществу спокойно подготовиться к усвоению «европейской цивилизации»⁸⁷. Революция Мэйдзи напоминала автору реформы Александра II. В Японии также «все видели необходимость дальнейшего движения вперёд. Народный ум с жадностью осваивался с новым миром мыслей, который был принесён к нему с Запада, и дальнейшие преобразования во всех областях народной жизни продолжали производиться не из подражания иностранным образцам и страсти к нововведениям, а из сознания острой необходимости строить новое здание на развалинах старого порядка»⁸⁸. Кириллов не скрывал симпатии к либерализму, самоуправлению, парламенту, конституции 1889 г., независимым судам, реформам образования и т.д., хотя и указывал на противоречия, существовавшие, например, в аграрной сфере. Японскую армию публицист считал образцовой. В целом же, японский опыт в подобной интерпретации убеждал русских читателей в том, что «действительное и полное перерождение страны является лишь вопросом времени», а «изменившиеся формы общественных отношений должны неминуемо оказать влияние и на изменение их духа»⁸⁹. Наивность такого рода прогнозов вполне соответствовала духу и уровню либеральной журналистики конца XIX в.

В конце XIX в. Дальний Восток и японо-китайское соперничество оставались для русской общественности достаточно новым и малознакомым сюжетом. Поэтому органы печати широко пользовались возможностью настраивать читающую публику в том или другом направлении. Так, консервативные публицисты (Шарапов, Грингмут, Тихомиров, Татищев) открыто сочувствовали Китаю и предвидели неизбежный конфликт между Россией и Японией. Либералы (Слонимский, Полонский, Гольцев) зачастую пренебрежительно смотрели на «жёлтую расу», но приветствовали вестернизацию и потому склонны были идеализировать Японию и, наоборот, воспринимать Цинскую империю как символ застоя и консерватизма, ведущего к упадку и распаду. Либераль-

⁸⁴ То же // Русская мысль. 1895. № 5. С. 208.

⁸⁵ То же // Русская мысль. 1895. № 6. С. 171.

⁸⁶ Кириллов Л.А. Япония, её государственный, общественный и экономический строй // Русская мысль. 1894. № 10. С. 79–97; № 12. С. 113–129.

⁸⁷ Там же. № 10. С. 79, 81–90.

⁸⁸ Там же. № 12. С. 113.

⁸⁹ Там же. С. 127.

ные народники «Русского богатства» рассматривали войну 1894–1895 гг. как следствие капиталистического развития и поиска Японией внешних рынков. Характерно, что вся либеральная пресса преуменьшала значение для России Кореи, Ляодунского полуострова и Маньчжурии и либо вовсе отрицала целесообразность экспансии в данном регионе, либо сводила её к минимуму. Только после Симонсекского мира и в этих кругах начали осознавать опасность усиления Японии. В то время как консервативные издания и народническое «Русское богатство» пытались предложить собственную программу действий, «Вестник Европы», «Северный вестник» и «Русская мысль» предпочитали защищать не государственные интересы, а отвлечённые идеалы и нравственные ценности.

И всё же журнальные споры середины 1890-х гг. не пропали даром. В последующие годы дискуссия о целях и методах дальневосточной политики России только усиливалась. А мнения, звучавшие в печати, отражались затем в аналитических записках и размышлениях министров, военных и дипломатов в период переориентации центра тяжести российской внешней политики на Дальний Восток⁹⁰.

⁹⁰ См., например: Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов: документальная публикация / Сост. И.С. Рыбачёнок. М., 2004. С. 48–151.